

Резко вынырнула из сна. Что это было? Остался ритм скачки и глухие удары пяток о твердую сухую землю. Мышцы болели, сердце бешено колотилось, вдруг оно сорвалось и ухнуло вниз. Вспомнила — большое яблоко тяжело упало с ветки в траву. А что же дальше было? Бежала, неслась с табуном лошадей. Или от них убегала? Вроде ничего страшного, а тоскливо как-то. Надо будет у Ленки спросить, к чему лошади и яблоки. Дождь, что ли, опять? Темно. Утро, ведь семь уже. Дерево за окном судорожно бьется, листья почти не осталось. Еще можно часок поспать. Первая пара в девять тридцать, успею. Все, теперь не засну — о нем подумала. Андрей, что же это происходит? Еще глаза не открыла, как включается картинка с твоим изображением, и так до самого вечера, а бывает, что даже во сне не отключается, тогда наутро совсем дурная хожу. Но сегодня не было тебя, только лошади и яблоки. Это, наверное, после фильма. Ты про это кино вчера весь вечер говорил, называл фамилию режиссера, а я не видела, не слышала, но надо

запомнить — Андрей Тарковский. Тезка то есть моего Андриюшеньки.

Сегодня опять пойдем к морю гулять. В прошлый раз возле яхт-клуба нашли безлюдное местечко, только на куртку присели, как дружинник тут как тут. Интересно, что же такое Андрей сказал парню, отчего тот смутился и ушел безо всяких разбирательств? Целовались как умалишенные. Губы до сих пор болят. Обещал книгу принести перефотографированную из какого-то зарубежного издания, но писатель русский. Фамилию называл. Как же могла забыть? Позор! Рядом с ним — дурочка необразованная. Интересно, а он тоже это понимает? Конечно, надо больше читать, только все равно он читает другое — журналы, названия которых никогда не слышала, стихи, которые звучат совсем не так, как те, что в учебнике. Ведь она, между прочим, с отличием десятый кончила, даже до медали чуть не дотянула, теперь вот на филфак пошла, а он, хоть и физик-теоретик, а знает литературу

в сто раз лучше. Часто, правда, они спорят. Недавно вот разревелась от обиды за Максима Горького. Он испугался, прижал к себе и зашептал горячо на ухо, что готов признать его великим писателем, только чтобы не видеть ее горьких слез. Как же вспомнить, о ком он вчера говорил? Название книги такое короткое, вроде «Они». Нет, кажется, «Мы», а вот фамилия писателя начисто вылетела. Он всегда говорит: «Прочла и тут же забудь, эти книги у нас не продаются, и за них можно в тюрьму сесть». Конечно, поверить в то, что у нас за книги сажают, невозможно, но ему пообещала молчать. А сколько он стихов помнит, и странных таких! Не всегда понятно, о чем они, но когда вслух читает — очень красиво. Почему мы этих поэтов не проходим, может, из-за их непонятности? Хорошо, когда в стихах про природу и любовь все ясно, как у Пушкина. Похвасталась, что может «Евгения Онегина» почти всего наизусть прочесть, так он погладил по головке, как маленькую, и сказал, что это обнадеживает. А что, собственно, имел в виду, что она со временем поумнеет, что ли?

Потянулась и перевернулась на живот, потом опять свернулась калачиком и сложила лодочкой руки в паху. Там было горячо и влажно. Мысли потекли сверху вниз, наполнив жидкостью полость, которая со вчера уже не хотела оставаться незаполненной и теперь сладко болела и пульсировала под руками. Сегодня все произойдет. Родители наконец уехали, а бабушка осталась. Но она подольет ей в чай мамино снотворное. Ничего плохого не будет. Андрей обязательно станет ее мужем, почему нет? Поймет, что он у нее первый. Ей уже скоро восемнадцать. Он, конечно, старше и опытнее. Про девушек своих не рассказывает, но наверняка было их немало, он же красавец и умница, а с ней так осторожен, никогда не настаивает, а ведь мучается, я вижу. В первый же день глаза отвел, когда она в своих брючках-дудочках перед ним вертелась. Потом долго встречались без поцелуев, а коснувшись губами, до дрожи задохнулся. А вдруг он испугается? Про план с бабушкой она, конечно, не расскажет. Лучше всего вообще не говорить, что бабушка дома. Когда снотворное подействует, надо запереть дверь в ее комнату и сказать, что бабушка ушла ночевать к подруге. А вдруг проснется? Надо побольше дать, чтоб наверняка. Ох, ей бы самой сейчас снотворное не помешало или валерьянка какая-нибудь, колотит всю. Оказаться бы с ним рядом, чтобы руками своими жилистыми обхватил и сжал сильно! Дрожать бы перестала, успокоилась, заснула на его плече, а потом бы проснулась...

* * *

Проснулась быстро, судорожно, как от испуга. Он рядом. Тихо. Дети еще спят. Во сне бабушка яблоки рассыпала. Они стучали, подпрыгивая и раскатываясь по полу в разные стороны. Бабушка нагнулась, чтобы собрать, и упала.

Совсем недавно бабушку похоронили. Сердце у нее пошаливало, может, после того снотворного? Вряд ли, давно это было. Просто годы взяли свое. Опять вспомнила ту ночь с Андреем, с тем аспирантом-физиком. Страшно было, больно, но так хорошо,

как никогда больше в жизни. Любовью были наполнены тела, слова, дыхание. Простыни тоже были пропитаны любовью. Их можно было выжимать, из них сочилась любовь. Оказалась эта ночь первой и последней. Андрея взяли, и он получил срок за распространение самиздата. Стукнул его научный руководитель, жена которого накатала телегу в партком, застав мужа с аспиранткой-любовницей в постели. В доносе фигурировала книжка «Архипелаг ГУЛАГ», которую она нашла под кроватью после прихода аспиранточки. Руководителя сразу на ковер, а он — поди и скажи, что книжечку эту дал им почитать младший научный сотрудник Андрей Бирман. У Андрея обыск — и на всю катушку. Теперь, говорят, реабилитировали, через восемь лет. А может, он уже вернулся, поэтому опять во сне яблоки и бабушка?

Рядом на тумбочке журнал «Знамя», а в нем все то, что Андрюшка тогда фотографировал, перепечатывал. За что так несправедливо с ним и с нею судьба обошлась? А может, оно и к лучшему. Борис — муж хороший и человек деловой. Скоро уедут они далеко. Будут жить в Канаде. Детей вырастят в нормальной стране. Что же так беспокоит на сердце сегодня? Если бы они вдруг с Андреем встретились, неужели бы все началось сначала? Наверное, нет. Все проходит... Или не все? Бешеная была после него, все не то и не так. Борька самый терпеливый оказался. Хоть и не доктор, а точно, любил, как лечил, настойчиво и упорно, по капле в день. Сутками не отходил и никого не подпускал, и так до самого излечения, пока в ней не забились новая жизнь и не шарахнуло по ушам свадебным маршем.

Она потянулась, перевернулась на спину, а потом опять скрутилась клубочком. Хорошо ей, уютно. У Бори даже во сне брови сдвинуты. Тяжело идет их новое дело, постоянно нервничает. Везде бандиты и бюрократы, всем плати. А все для нас. Ничего ему не надо, только процесс игры и поиска. Правда, становится все азартнее и прижимистее. Саньке велосипед какой-то навороченный не купил, тот расстроился, сказал, что папа жмот. У мальчишек должен быть перед глазами положительный образ отца, а Боря все реже дома бывает. Она, конечно, старается правильно их воспитывать, но без него тяжело. Ничего, вот уедет, новая жизнь начнется.

Надо постараться опять заснуть. Дождь, что ли, на улице? В окне небо темное, тяжелое. Соседнюю многоэтажку туманом размыло, сквозь который несколько желтых пятен светится. Господи, это в такую рань кто-то уже встал, наверняка, завтракает, на работу собирается. А ей уже никуда не надо спешить. Хорошо, только внутренний будильник всегда на семь. Последнее время просто с ума сходила на работе. Что ни день — потрясения, то газету закрывают, то перепродают, а после дефолта вообще кисло стало. Хорошо, Борька их деньги вовремя из страны увел на будущее место жительства. Через неделю она уже будет просыпаться в другом доме, под другим небом. Как оно там будет? Закрывает глаза и постаралась представить их дом за океаном, который еще не видела, но Боря плохого не купит. Фотографии впечатляли, особенно боль-

шие елки вокруг и трогательная березка на бекярде, по-нашему, заднем двореке. Еще он говорил, что где-то поблизости парк, в котором целая аллея яблонь, но яблоки никто не срывает, они падают в траву, и только иногда под деревьями можно увидеть одинокую фигуру пожилой женщины, собирающей паданки. Наверняка из наших, утверждает Боря. Какая-нибудь воронежская старушка не может перенести, что добро пропадает, вот и собирает на вареньице для внучат. Они, конечно, жрать не будут, как и все, что им приготовит бабуля, поскольку дети в той стране очень быстро привыкают к местному фастфуду, и Боря уже сейчас предупреждает, чтобы я с первого дня взяла этот процесс под контроль. Возьму, куда денусь, то есть из кухни буквально не выйду. Ну и ладно, пора осваивать профессию домохозяйки. К черту газету, планерки, скандалы, расследования. И небезопасно становится. Жизнь дороже. Страшно в подъезд собственного дома зайти. Время пришло всерьез детьми заняться. Ради них и едем. А может, там еще девочку родить и назвать ее как-нибудь странно-иностранно, вроде Ребекки. Нет, ужас, какой, почти как Дебора! Лучше уж Джесика или Мэгги. Ладно, там разберемся...

* * *

Веселая, кудрявая девчонка побежала по яблочной аллее, прыгнула под дерево, упала в траву, и вдруг громадные, тяжелые яблоки посыпались на голову маленькой дочки.

— Даша-а-а!.. Родная-я!.. Осторожно!.. А-а-а!..

Она с криком подскочила в кровати и поняла, что это сон. Дашка сопела рядом. Опять приползла ночью из своей комнаты к маме под одеяло. Хорошо, что не испугала ее и не разбудила криком своим. Мальчишки, надеюсь, тоже не слышали, их спальни этажом выше. Внутри дома тишина, а снаружи дождик журчит по водостоку, барабанит по крыше. На елке за окном белка прячется, скоро вылезет и на окно прыгнет за орешком. Дарья ее подкармливает и зовет Кирой. Английское squirrel ей удается плохо, как и маме, и поэтому по обоюдному соглашению белка превратилась в Киру. У дочки непонятно откуда появилось грассирующее Р, и она, как камешек, перекачивает его во рту. Давно перестала этот камешек катать на папином имени. Боря приезжает теперь три, может, четыре раза в год, Даша успевает забыть его капитально, и не только она. Собственные тело и душа тоже уже не откликаются на короткие появления мужа. Когда на курортах соединяются, Борис с трудом входит в роль семьянина. И если заботливого папу еще удается сыграть, то истосковавшегося мужа все реже и реже. А ей все тяжелее изображать верную жену. Последний год вообще многое перевернул. И, что самое ужасное, ни он, ни она не задают друг другу вопросов. Каждый допускает наличие третьего, совсем не лишнего, в их сложившейся ситуации. Вчера Боря позвонил в тот момент, когда не могла не то что говорить, но и дышать. С трудом совладала с голосом, который срывался на стон, когда в развороченной постели ее тело, как глину, разминал новый любовник. Боря попросил телефон знакомого брокера. Перезвонила через

несколько часов, дома его уже не застала, мобильный молчал. Может, он был занят тем же, что и она. Только вот нет у нее права на отключенный мобильник — на ней дети, мало ли что.

Лежа на спине, потянулась и осторожно, чтобы не потревожить дочь, повернулась на живот. Побаливали поясница и бедра. Хорошо бы проверить, не осталось ли синяков. Силен мужик, измотал, но с удовольствием и самоотдачей, отчего в висках стучало и в глазах темнело. Так было только в молодости с тем физиком Андреем. Интересно, как он, где, с кем, вспоминает ли? А ведь удивительно, если к ней уж кто в постель сваливается, так крепко Андрюшу напоминает. И этот похож, правда, по-русски ни слова. Да и не нужны теперь ей слова, ни русские, ни английские. Все просто и понятно, по крайней мере честно. Хорошо бы с таким махнуть на Карибы или в Мексику. От аборигенов его будет не отличить, когда покроется свежим загаром. Андрюшу тоже всегда принимали то за грека, то за араба, а был он просто красивый еврейский мальчик с грустными глазами и терракотовым телом, сухим и горячим.

А с Тонни она познакомилась в Кингстоне на рилэстейт-семинаре по продаже «грязных» домов. Он очень много вопросов задавал докладчику по домам-плантациям. Особенно его поразила тот факт, что те дома, которые используются хозяевами под выращивание марихуаны, имеют повышенную температуру. Ночью, когда вертолеты специальными приборами с инфракрасным излучением замеряют температуру, эти дома сразу светятся. Тогда она подумала — наверняка покуривает, но ошиблась. Как выяснилось, ни вредных привычек, ни слабостей. Дieta, вода, спортзал, массаж, маникюр и загар. В профессии уже лет семь. Успешен, деньги есть, семьи нет — идеальный вариант любовника и не только, но как-то скучно. Вчера он пытался выяснить, что не так в моей семейной жизни. Смешные вопросы задавал, еще смешнее выводы делал. В общем, все свелось к утверждению, что поскольку я изменяю мужу, то, значит, у меня есть планы с ним развестись, а иначе быть не может, ведь я достойная женщина. Я даже постеснялась переубедить. Он вряд ли бы понял, если бы стала рассказывать, как люблю Борю, как скучаю, как разлуки и такие вот Тонни и Тани разрушают нас или помогают, не знаю, не знаю... А может, Борька все же успокоится? Но непохоже. Игра идет по-крупному. Полез в болото политики, теперь еще опаснее туда переезжать. Раньше боялись, что через детей к кошельку доберутся, теперь уже ставка — безопасность и жизнь. Вот так и проживает она заложницей в чужой игре. А ведь это все с того физика началось и в ее жизни, и в стране. Они раскачивали систему, боролись за свободу, а она платила одиночеством. Если бы не дети, то к чему все это? В последний приезд муж расчувствовался и стал восхищаться тем, как она их воспитала, как сумела удержать любовь к нему, как он благодарен за все и обещает устроить так, чтобы они ничего не боялись, переехав назад в Россию. Самое интересное, что он уже плохо понимает, чего на самом деле хотят его дети. Тот праздник, который на них обрушивается на родине, они распенивают как отдых, каникулы, а

жизнь и будущее они теперь видят с другой точки зрения, именуемой западным менталитетом. Они замечают и понимают то, что Боре в голову не приходит. Не прощают они той папиной жизни — езды без правил, бизнеса вне закона, милосердия ради собственной выгоды. И планы отца по воссоединению семьи воспринимает только с оговоркой, что за ними останется свобода выбора. Они не станут заложниками, как она, как те, кто живет там. Они действительно по-настоящему свободны. А ей остается только одна свобода — безнаказанно пускать в постель незнакомых мужчин, когда не может совладать с гормональными бурями, накрывающими посильнее, чем в молодости. Семейный доктор утверждает, что это нормально для переходного периода, имея в виду тот плавный переход из детородной в другую, уже не такую тревожную и проблематичную фазу сексуальной жизни. Тонни сейчас вроде витаминчика, помогает держать в форме тело и мозги. Детям нужна мама со здоровой психикой.

Она прикрыла одеялом дочку, погладила по вспотевшей во сне головке. Смешно, но ее верхняя губка вырезана по итальяшкиной выкройке. Уже несколько раз Дарью принимали за его дочь. Тонни был этим польщен и действительно находит в Дарье какое-то сходство с калабрийскими женщинами их рода. Она видела его сестру — простоватая, низкорослая, но лицо и улыбка Мадонны. Недавно провели у озера целый день. Шумное итальянское семейство понравилось Дашке, особенно младший отпрыск семьи ДеСико. Можно было биться об заклад, что эти два карапуза влюбились друг в друга. Марчи протянул Даше свое яблоко, она ему свое, и они ели, поочередно откусывая от двух плодов. Когда кончился пикник и все пошли к машинам, поднялся рев, полились слезы. Дети не хотели расставаться. Вечером перед сном пришлось пообещать Дашке, что они скоро опять пойдут в гости к Марчи и, конечно же, мама согласна, что Марчи будет Дашкиным бойфрендом.

— Что же это нас, подруга, на итальянцев потянуло? — прошептала, улыбнувшись дочке. — Не пора ли намекнуть папе о римских каникулах, похоже, мы уже созрели.

Закрывает глаза и попыталась представить Рим. Две пары ног побежали по ступенькам бесконечной лестницы. Потом чьи-то сильные, жилистые руки подхватили и поволокли с головокружительной быстротой вниз, к морю, растекающемуся и блестящему, как масло, у подножия горы. «Почему море? — подумалось ей. — Почему гора?... Где сад, дождь, яблоки, где Андрей? Почему так тихо, где Даша?»

* * *

Проснулась опять, уже третий раз за ночь. Что-то разладилось в голове. В момент пробуждения кажется, что и не спала вовсе. Опять за окном моросит, жалобно поскуливает ветер в проводах и в душе. Стоп, во сне опять Дашу искала. Надо снова попробовать дозвониться в ее мичиганскую общагу. Сессия ведь уже закончилась, могла бы и позвонить. Паршивка, звонит только по праздникам и по необходимости, а просто

так, как же, дождешься. Наверняка опять любовный кризис. Это ничего, это хорошо, не смертельно, а для творчества — самый раз. Последняя серия фотографий была просто удивительной. Итальянец, конечно, модель хорошая, выразительная, но что с этой моделью по жизни делать будешь? Разве что в постельных целях. Так ведь капризничает и мучает. Но Дарья, слава богу, не в маму. Никаких жертв, терпения, зависимости, но и привязанности тоже. Запросто может исчезнуть надолго, забыть позвонить, поздравить. Может находиться в часе лету от Москвы, но не долететь, а вместо этого оказаться в Австралии. Мальчишки — они другие. Установили очередность и давай по кругу звонить, уже даже некое расписание прочитывается. В выходные отзваниваются по старшинству — сначала Санька из Сант-Хозе, потом Лешка из Торонто, потом их жены, потом внуки. Обещали собраться на пятилетие со дня смерти отца, то есть в этом ноябре. Младшие еще не видели Москвы, интересно, поздравится ли? После гибели Бори в автокатастрофе никто не хотел верить, что это Судьба заказала его пьяному дальнобойщику, а не спецслужбы или какие-то бандиты. Она сама долгое время была уверена, что Бориса убрали политические противники, но следствие доказало трагическую случайность, в которую поверили все, кроме ее детей. Они уговаривали уехать из России, но она отказалась. Никому не говорила, что есть еще одна причина, кроме Бориной могилы. Она пыталась разыскать Андрея, не для чего-то, просто снится он ей часто. Уже два года как ищет, но безрезультатно. Одна тетка в архиве сказала, что не там ищет, что все умные евреи уже давно уехали, скорее всего Андрей тоже. Она чувствует, что они обязательно встретятся, что мир тесен. И чем дальше, тем больше сужается, так ей, по крайней мере, кажется. Возможно, это теперь касается ее собственного узенького мира, состоящего из четырех стен, книг, телевизора, телефона. Все труднее передвигаться. Сердце ухает филином в груди, давление, одышка. Надо гнать плохие мысли, перестать мусолить в голове свои и чужие беды. Потому и не спится мрачной бабке, что ничего светлого вспоминать не хочет. Нудно ноет душа, поскуливает ветер за окнами. Хорошо бы крючком памяти поймать петельку и вывязать красивый, хороший сон. Скорее бы снотворное подействовало.

Закрывает глаза, попыталась поглубже вздохнуть, хотела повернуться на бок, но замерла. Тупая игла вонзилась в подреберье. Рукой нашарила простыню, скомкала в кулак. Вдруг разжала пальцы, выдохнула и увидела, как... Ветер поднял нагретую солнцем пыль. Она взлетела над проселочной дорогой и закрутилась в смерчок, веселенький, как юла. Разрастаясь, он втянул в себя легкий сор, золотистых мух и маленьких птиц, расшвырял ворох листвы и принялся за яблоки. Он терзал деревья, раскачивал, тормозил. Яблоки падали, глухо ударяясь о землю. Андрей собирал их в подол рубахи, но не удержал, выронил. Они посыпались, катясь и подпрыгивая на ухабах дороги, извилистой и длинной, идущей под откос в никуда...